

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории
бывшей
Российской
империи

Энциклопедический
словарь

Выпуск 3

Москва

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

2001

работу проводил в свое время его *шайх*-наставник ал-Кулатки в Тифлисе, читая проповеди в осуждение дагестанского *имам* Шамиля (1834–1859) во время Кавказской войны.

Одновременно В. напал на официальное мусульманское духовенство, власть которого он не признавал. *Муфтия*, его *кадиев*, казанских *'улам* и зажиточных мусульман он обвинял в коррупции и отходе от «истинного» ислама. В своей казанской общине В. самовольно вел регистрацию актов гражданского состояния, тем самым узурпировав власть «указных» (назначаемых *муфтием*) *мулл*. По некоторым данным, В. даже призывал своих последователей не платить государственные налоги и отказываться от военной службы. Власти и *муфтийат* долгое время ограничивались предупреждениями в его адрес, опасаясь, видимо, роста его влияния среди населения.

Проповеди В. сыграли определенную роль в крестьянских волнениях 1878–1879 гг., вспыхнувших в Татарии в результате распространения слухов о некоей государственной инструкции, согласно которой мусульманские общины якобы должны были содержать церкви и православные школы в своих селах, что грозило бы насильственной христианизацией. О тревожной атмосфере тех лет свидетельствуют поэмы В. на татарском языке, опубликованные уже его сыном 'Инан ад-дином под названием Джавахир-и хикмат-и дарвишан (Казань, 1907). В них В. предстает предвестником Судного дня, который наступит, как он ожидал, в 1300 г. х. В поголовной разращенности мусульман и в появлении инструкции В. видел знак прихода апокалипсической фигуры ад-Даджала (Сатаны), именем которого он проклинал попечителя Казанского учебного округа В.В.Радлова, открывавшего русские школы для мусульман Поволжья. В. титуловал себя «полководцем» (*сардар*), а своих сторонников называл «спасающей общиной» (*фирка-йи наджийа*, согласно известным *хадисам*), утверждая, что тот, кто не присягает *сардару*, перестает быть мусульманином и лишается «спасения». Чрезвычайное положение Конца света он выразил также в отказе от всех норм рифмы и метрики в своих поэмах.

По неясным обстоятельствам в 1884 г. полиция штурмом взяла дом В. в Казани, были убитые и раненые. Несколько его сторонников были сосланы в Сибирь, а самого В. суд объявил сумасшедшим и поместил в Казанскую окружную лечебницу, где он находился до самой смерти. Очевидно, некоторые из упомянутых выше поэм были написаны уже после 1300 г. х. в больнице. Разочаровавшись в своей миссии, В. упрекает в них Бога в отказе держать свое слово и вести ислам к победе.

Многое в поведении В. напоминает христианских святых-юродивых. В этой связи в фамилии В. (выбранной, очевидно, им самим) можно видеть намек на сподвижника пророка Мухаммада, Увайса ал-Карани, который в мусульманской традиции тоже имеет черты юродивого. Поиски поддержки со стороны «добротного царя» при ре-

шительном сопротивлении местным органам власти также имеют много исторических параллелей.

В истории мусульманской духовной культуры Поволжья деятельность В. явилась кульминацией религиозного движения против *муфтийата* и сотрудничества с русским купечеством и местными властями. Виднейшим представителем этого движения в первой половине XIX в. был 'Абд ар-Рахман ал-Булгари (ал-Утыз-Имани, ум. в 1835 г.), но в отличие от него В. не имел четко разработанных взглядов в области теологии, права и суфизма и выступал лишь с пророческими предостережениями.

В начале XX в. Ваисовское движение возродил, вернувшись из ссылки, сын В., 'Инан ад-дин (ум. в 1918 г.), который, однако, преследовал в своей деятельности больше политические, нежели религиозные цели, а во время гражданской войны даже воевал на стороне местных большевиков против «Забулачной республики». Другой сын В., 'Ийан ад-дин, эмигрировал в Польшу.

Одна из проблем исследования деятельности В. заключается в том, что большая часть имеющейся о нем информации сохранилась лишь в редакции 'Инан ад-дина. Предстоит еще уточнить, к кому восходит название Ваисовского движения «Ваисов Божий полк мусульман-ста-роверов» — к старшему или младшему В.

Начиная с 90-х гг. XX в. открыто выступившие сторонники «булгарского» национального самосознания волжско-уральских мусульман объявили Ваисовых своими единомышленниками.

Лит-ра: Н.Катанов. Новые данные о мусульманской секте ваисовцев. Казань, 1909; Е.В.Молоствовова. Ваисов Божий полк // Мир ислама (1912); репринт: Азия и Африка сегодня, 1992, 9, 60–62; М.Сагидуллин. К истории Ваисовского движения // Очерки по изучению местного края. Казань, 1930, 236–266; М.Гайнетдинов. Бахаветдин Вейсов // История татарской литературы. Т. II, Казань, 1985, 473–483 (на татар. яз.); С.Алише, М.Молеков. Вейсевичлер тарыхыннан // Казан утлары. 164–169; М.Гайнетдинов, Л.Ахметзянова. Прошение возвратить Б. Ваисову и дело закончить // Эхо веков (Казань), (1996), 3/4, 143–152; Chantal Quelquejey. Le «Vaïssisme» à Kazan // Die Welt des Islams. VI (1959), 91–112; A.J.Frank. Islamic Historiography and “Bulgar” Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia. Leiden, 1998, 172–178; M.Kemper. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889: der Islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin, 1998, 393–429.

М. К.

Гази-Мухаммад (искаж. рус. Гази-Магомед, Кази-Магома, Кази-Мулла) б. Мухаммад б. Исма'ил ал-Гимрави (Гимринский) ал-Авари (Аварский) ад-Дагистани (1794 или 1795–1832) — нахшбандийский *шайх* и первый *имам* Дагестана и Чечни, возглавивший освободительное движение горцев против русского завоевания (отсюда его лакаб *гази* — «воитель за веру»). Родился в аварском селении Гимры (ныне Унцулубский район Республики Дагестан), куда его отец переселился из селения Урада; мать — гимринка. Происходил из влиятельного гидатлинского клана (*тухум*) *узденей*

(свободных общинников), но как потомок переселенца (*апарэг*), считался гимринцами человеком безродным. Немалую роль в его жизни сыграла завязавшаяся еще в детстве дружба со знаменитым младшим современником и соседом — Шамилем.

Г.-М. получил хорошее мусульманское образование в Дагестане. Изучил Коран, *тафсир*, арабский язык, риторiku, логику, *хадисы*, право (*фикх шафи'*тского толка). Окончив начальную школу (*мактаб*) при мечети родного селения, он перешел в школу (*мадраса*) своего тезки Гази-Мухаммада в селении Унцукуль. Туда за ним последовал и Шамиль. После этого оба они учились у *хаджжи* Мухаммада в селении Ирганай, у Лачинилава в селении Хунзах, у Хаджиява в селении Орота, у Са'ида в селении Араканы и у других известных дагестанских '*улама*'. Пройдя основной курс обучения мусульманским наукам за 12 лет, Г.-М. отправился в селение Яраг, где познавал *шари'ат* и суфийский Путь (*сулук*) под руководством знаменитого *шайха* братства (*та-рика*) накшбандийа-халидийа Мухаммада ал-Йараги. Затем Г.-М. переехал в лакское селение Газикумух (Кумух), где стал последователем ученика Мухаммада ал-Йараги — накшбандийского *шайха* Джамал ад-дина ал-Газикумуки. Последний принял его в число своих учеников (*муридун*), а позже дал ему разрешение (*рухса*) стать *шайхом*. Под влиянием Г.-М. *муридом* Джамал ад-дина стал и Шамиль.

По приглашению гимринской общины (*джама'ат*) Г.-М. вернулся в родное селение, где сделался *кади* сельского суда и *имамом* (*дибир*) соборной мечети, там же открыл собственную школу (*мадраса*). Вскоре он превратился в популярного в Нагорном Дагестане преподавателя (*мударрис*), к которому стекались ученики (*мута'аллимун*) из разных селений. С этого времени за Г.-М. утвердилась слава «мудрого и сильного ученого». Будучи *шайхом* братства накшбандийа, Г.-М. приобрел собственных *муридов*, одним из которых стал Шамиль, всю жизнь относившийся к «своему дорогому другу» как к учителю и наставнику.

Призывы *суфиев* братства накшбандийа-халидийа к возрождению первоначального ислама нашли живой отклик у Г.-М., отличавшегося аскетизмом и огненным темпераментом. Целью своей жизни он сделал распространение среди кавказских мусульман «чистых норм» *шари'ата*. Со свойственной ему энергией он повел непримиримую борьбу с противоречащими *шари'ату* местными обычаями и обычным правом ('*урф*, '*адат*'). Властью *кади* он строго запретил гимринцам пить спиртные напитки, курить табак, играть в азартные игры, не допускал совместных танцев мужчин и женщин. Игра на музыкальных инструментах (*барабан*, *бубен*, *зурна*, *чагана*) и песни были дозволены только на свадьбах. Г.-М. старался ограничить кровную месть и запретить *ишкиль* — захват имущества в обеспечение долга.

Рост авторитета Г.-М. среди горцев позволил ему повести борьбу против '*адата* в масштабах Дагестана и Чечни. Этот период его религиозно-

политической деятельности начался в 1826–1827 гг. Сохранились многочисленные письма Г.-М. к старейшинам (*кубара'*, *ру'аса'*) горских общин (*джама'ат*) аварцев, кумыков, лакцев, даргинцев, чеченцев, правителям крупнейших *ханств* Нагорного и Равнинного Дагестана. Среди его адресатов были Махди-*шамхал* ат-Тарки (Тарковский), Аслан-*хан* Казикумухский (ал-Казикумуки) и Кюринский. В довольно резкой форме он требовал от них ввести *шари'ат* в своих областях (*вилайат*). Однако его дипломатическая деятельность не увенчалась успехом, поскольку он не умел идти на компромиссы. Большинство горных общин и все *ханы* вежливо отказались от проведения предложенных преобразований.

«Порчу нравов» горцев и провал своего плана мирных реформ Г.-М. объяснял влиянием Российской империи на Северо-Восточном Кавказе. Постепенно он пришел к выводу, что установить *шари'ат* тут можно только путем «малого *джихада*», или *газавата*, — вооруженного сопротивления российскому завоеванию. Некоторое время Г.-М. не мог взяться за оружие. Противниками войны с русскими оказались бывший его учитель Са'ид ал-Аракани, его лучший друг Шамиль и главное — его *муриид* Джамал ад-дин. Шамиль пытался отговорить друга, грозя порвать дружбу с ним, но тот оставался непреклонным. Сопротивление Джамал ад-дина удалось сломить при поддержке Мухаммада ал-Йараги, который прислал Г.-М. письмо с *фатвой*, одобряющей его планы. В конце 20-х гг. Г.-М. много ездил по Дагестану и чуть ли не ежедневно призывал горцев к «священной войне».

В 1828–1829 гг. '*улама*' и *кади* Гимр, Чиркея и ряда других горных аварских селений выбрали Г.-М. своим *имамом* — религиозным и военно-политическим руководителем союза общин, объявивших «священную войну» российским завоевателям и принявшим их сторону кавказским мусульманам. Тогда некоторые противники вооруженной борьбы (включая Шамиля) перешли на его сторону. Со старшин общин Г.-М. брал присягу следовать *шари'ату*, отказаться от местных '*адатов* и прервать всякие сношения с русскими. Почти повсюду он поголовно вырезал горскую знать, видя в ней пособников русских и лицемерных врагов ислама (*мунафикун*). За его недолгое правление было казнено 30 влиятельных *беков*. Местные *кади*, не согласные с политикой Г.-М., были замещены его ставленниками. Одни из них оказались в гимринской тюрьме, другие — казнены.

Для управления отдаленными общинами *имам* иногда назначал своих заместителей-*на'ибов*. Последние обязаны были собирать и приводить к нему сельские ополчения (*бо*, *джайш*). Вокруг Г.-М., славившегося личной храбростью, быстро собралось около 8–10 тыс. человек. Ядро его войска составили *муриды* и переселенцы из разных районов Дагестана и Чечни. Последних по аналогии с первыми мусульманами, последовавшими за пророком Мухаммадом из Мекки в Медину, стали называть *мухаджирами*. Для содержания армии и *мухаджиров* была создана

казна (*байт ал-мал*), куда регулярно поступали *закат, садака*, имущество, конфискованное у горской знати и врагов движения, а позднее и военная добыча. Военно-теократическое государство горцев-мусульман, которое начало складываться при Г.-М., позднее стало называться *имаматом*.

Зимой 1830 г. Г.-М. начал «священную войну». Его тактика состояла в организации стремительных неожиданных рейдов. В 1830 г. он захватил ряд аварских и кумыкских селений, подвластных Аварскому ханству и Тарковскому шамхальству. К *имамату* добровольно присоединились Унцукуль и Гумбет, были покорены андийцы. Увеличив армию, Г.-М. пошел на столицу Аварского ханства — селение Хунзах, но потерпел поражение. Перенеся войну во владения шамхала Тарковского, *имам* разбил отряд русских войск при Атлы-Боюне, занял Параул и Тарки, но не смог взять русскую крепость Бурная. Под селением Казаничи *муриды* Г.-М. возвели деревянное укрепление Агач-кала. По поручению *имам* Гамзат (Хамза)-бек ал-Гуджали (Гоцатлинский) и Шихшабан ал-Бухнади подняли восстание джарской общины в Северном Азербайджане, а Абд Аллах ал-Ашилти осадил столицу кумыкских беков селение Эндирей и русскую крепость Внезапная на севере Дагестана. В августе 1831 г. Г.-М. осадил г. Дербент, а в ноябре того же года совершил набег на г. Кизляр. Собрав ополчения аварских, даргинских, кумыкских и чеченских общин, в марте 1832 г. Г.-М. подошел к Владикавказу и осадил Назрань, но был разбит регулярными войсками. В чеченском походе принял участие Мухаммад ал-Иараги, в 1831 г. переселившийся на территорию *имамата* и выдавший за Г.-М. свою дочь.

Военные неудачи преследовали *имам*. В 1831 г. русские войска захватили Агач-кала, а в июне 1832 г. — крепость, построенную его *муридами* под селением Эрпели. К осени 1832 г. большинство горных общин отпало от *имамата*. Командующий Кавказским корпусом генерал-адъютант барон Г.В.Розен осадил селение Гимры, в котором укрепился сам *имам*. Во время штурма 17 октября 1832 г. Г.-М. был убит. Из его *муридов*, сражавшихся с ним бок о бок, вырваться из окружения и спастись удалось только Шамилю и гимринскому *му'аззину* Мухаммад-Али. Семья Г.-М., включавшая двух его жен и малолетнюю дочь, до осады укрылась у андийцев. Гимры были взяты, и на некоторое время *имамат* прекратил существование.

По совету Са'ида ал-Аракани во избежание новых возмущений тело *имам*а было перевезено в Тарки, на территорию, контролируемую врагом Г.-М. — шамхалом Тарковским и русскими войсками. Там его труп высушили и скрытно похоронили через несколько месяцев, так что место погребения было известно лишь немногим. Однако вскоре могила *имам*а стала почитаться как «святое место». Пронесся слух, что тело Г.-М. было найдено в позе погибшего за веру мученика (*шахид*): его борода была зажата в его правой руке, что, по народным представлениям, предвещает рай душе погибшего. Рассказывали о

чудесах (*карамат*), которые Г.-М. совершал при жизни, заставляя землю трестись под ногами «лицемеров» (*мунафикун*), о его даре предвидеть будущее. Один из почитателей «святого», *хаджжи* Атак б. Гирай-хан из соседнего с Тарки кумыкского селения Кяхулай, в 1833 г. поставил на его могиле стелу. В краткой надгробной эпитафии Г.-М. прославлялся как «*имам*, вонитель и мученик за веру» (*ал-имам ал-гази аш-шахид*). «погибший мучеником в сражении» (*фи-л-ма'рака ишташхада*) с «неверными» (*ал-куффар*).

При *имаме* Шамиле, в 1843 г., отряд *хаджжи* Кебеда ал-Унцукулави захватил Тарки и перенес тело Г.-М. под Гимры, где над его могилой был воздвигнут небольшой мавзолей. С этого времени почитание *имам*а-*шахида* широко распространилось по Дагестану. Искоренить его не смогли и антимусульманские репрессии советского времени. Обе его могилы, в Тарки и Гимрах, почитаются «святыми местами» (*зийарат*). В начале 90-х гг. их реставрировали. Над надгробиями восстановлены шесты с лентами. В 1993 г. оба *зийарата* стали центром празднования 200-летия (по неточной дате) со дня рождения Г.-М., отмечавшегося по всему Дагестану. Здесь часто проводятся коллективные молитвы и митинги с участием известных дагестанских политиков. Подобные мероприятия прошли в ноябре 1996 г. во время празднования 225-летия *шайха* Мухаммада ал-Иараги и в октябре 1997 г., когда по всему Северному Кавказу отмечалось 200-летие со дня рождения *имам*а Шамиля.

Рукописное наследие Г.-М. невелико. Научного описания его сочинений нет. Наиболее популярное из его сочинений — написанный в середине 20-х гг. небольшой полемический трактат на арабском языке Икamat ал-бурхан 'ала иртидад 'урафа' Дагистан («Преставление доказательства отступничества старшин Дагестана»). В нем Г.-М. разбирает преимущества *шари'ата* по сравнению с обычным правом ('урф). Перу Г.-М. принадлежат также несколько поэм (*каса'ид*). Вместе с отрывками из упомянутого выше трактата и некоторыми письмами к мусульманским правителям и общинам разных районов Нагорного Дагестана они вошли в дагестанские хроники и биографические сборники XIX–XX вв. (*Мухаммад-Тахир ал-Карахи*. Барикат ас-суйуф ад-дагистанский фи ба'д ал-газават аш-шамилийа; *Хасан-эфенди ал-Алкадари*. Асар-и Дагистан; *Назир ад-Дургили*. Нузхат ал-азхан фи тараджим 'улама' Дагистан). Копии писем и стихов Г.-М. имеются в Махачкале в Рукописном фонде ИИАЭ ДНЦ РАН и частном собрании наследников М.Г.Нурмагомедова, в многочисленных частных и мечетских библиотеках Дагестана.

Главным результатом короткой жизни Г.-М. были не книги, а ученики и последователи. Двое из его единомышленников — Гамзат (Хамза)-бек и Шамиль — были избраны последовательно вторым (1833 или 1834 — 1834) и третьим (1834–1859) *имам*ами Дагестана и Чечни. При них окончательно сложился судебно-административный аппарат *имамата* — первого общерегионального государственного образования северо-

кавказских мусульман. Шамиль, оказавшись более выдающимся политическим деятелем, затмил собой своего «старшего друга и наставника».

Так как в организации *имамата* и проведения *газавата* активно участвовали *муриды* Г.-М., в отечественной и зарубежной литературе поднятое им движение стало называться «юридизмом». Это весьма неграмотное определение подразумевает суфийскую подоплеку сопротивления горцев русскому завоеванию, что, однако, не подтверждается фактами. Деятельность Г.-М. как главы *имамата* не имела отношения к суфийской практике. Более того, обязанности члена суфийского братства порой противоречили политическим планам *имамата*. Нельзя забывать, что к созданию *имамата* и объявлению *газавата* он пришел вопреки воле своего *мушида*. В братстве *накшбандийа* он занимал относительно скромное положение. Недаром Шамиль, хотя и считал себя *муридом* Г.-М., своим *мушидом* признавал не его, а Джамал ад-дина ал-Газикумуки, который и дал ему впоследствии разрешение быть *шайхом* и региональным руководителем (*халифом*) братства.

Лит-ра: *Назир ад-Дургили*. Нузхат ал-азхан фи тараджим «улама» Дагистан // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 30, оп. 2, д. 108, 78–85; *М.Гайдарбеков*. Хронология истории Дагестана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 1, д. 236, XIV; *Джемаледдин Казикумухский*. Ал-Адаб ул-марзия: Накшбандийский трактат (ал-Адаб ал-мардийа фи-т-тарика ан-накшбандийа). Сокр. араб. текст и рус. пер. Оксфорд, 1986, 22–25; *М.-Т. аль-Карахи*. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Пер. с араб. и коммент. А.М.Барабанова и Т.М.Айтберова. Махачкала, 1990, 1, 18–36; 2, 13; *Г.Э.Алкадари*. Асари Дагестан. Махачкала, 1994, 126–129; *Гаджи-Али*. Сказание очевидца о Шамиле. Сост. и коммент. В.Г.Гаджиева. Махачкала, 1995, 25–26; Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний сайида Абдурахмана шейха сына устада шейха тариката Джамалутдина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. Пер. с араб. М.-С.Саидова; ред. пер. А.Р.Шихсандов и Х.А.Омаров. Махачкала, 1997, 28; *А.П.Берже*. Казн-мулла // Кавказ. Тифлис, 1868, 10, 40–41; *[К.И.]Прушиновский*. Историческая записка о начале и развитии духовной войны (или превратного тариката) // Кавказский сборник. Тифлис, 1902, XXIII, 1–73; *А.Руновский*. Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время его пребывания в гор. Калуге с 1859 по 1862 год // АКАК. 1904, XII, 1496; *С.К.Бушув*. Борьба горцев под руководством Шамиля. М., 1937, 67–78; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала, 1959; *Лавров*. Эпиграфические памятники, 2, 38, 97–98, 100–103, 167, 173; *М.А.Амирханов*. Мир ислама. Махачкала, 1996, 64–82; *M.Gammer*. Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. L., 1994, 225–256; *A.R.Shixsaidov*. The Biographical Genre in Daghestani Arabic-Language Literature // MC. Bd. 1, 39–61.

В. Б.

Гёзли-ата — святилище, расположенное в степной зоне Забалхання, в 150 км северо-восточнее Красноводска (ныне Туркменбаши). Это место захоронения суфия XIV в. Хасан-ата, более известного в Туркменистане под почетным прозвищем Г.-а. («отец-прозорливец/провидец»), которое он получил, согласно

преданиям, за необычную способность предвидеть события.

Святилище находится в живописной котловине, укрытой от ветра высокими обрывами с выходами разноцветных мергелей. В северной ее части — остатки водохранилища и старого поселения скотоводов; в южной, на возвышении, — средневековое кладбище с могилами Г.-а. и его жены Аксиль-мамá. В конце 60-х гг., когда автору довелось посетить это святое место, они представляли собой длинные выкладки из дикого камня, обнесенные низкими оградками. Какие-либо знаки, надписи и рисунки отсутствовали. Близ могил стоял глинобитный домик для паломников, в котором помимо традиционного набора необходимых вещей (ватных одеял, подушек, посуды, продовольствия, керосиновых ламп, спичек и соли) стояло несколько свернутых кошмовых молитвенных ковриков (*намазлык*), а на одном из подпирающих кровлю столбов на огромный гвоздь были нанизаны записки паломников с указанием, кто, когда и откуда прибыл и что сделал по благоустройству святилища. Судя по записям (несмотря на то что добраться до этих мест непросто), его посещали паломники почти из всех областей Туркменистана — Красноводской, Ашхабадской, Марыйской и Ташаузской, а также из Южной Каракалпакии. В прошлом, очевидно, имелось более капитальное культовое сооружение, о чем свидетельствовал сохранившийся перед могилой Г.-а. фундамент-выкладка из белого камня (5х5 м) с остатками жертвенных животных. В середине 90-х гг. XX в. было создано историко-религиозное общество «Гёзли-ата» с центром в Красноводске. Его стараниями на святилище, у которого теперь есть постоянный смотритель (*мюджевнер*, от араб. *муджавир* — «живущий по соседству»), построены памятные мавзолей-гробница и гостевой дом для паломников.

Святилище существует со второй половины XIV в., со времени смерти Г.-а., который провел последний, значительный этап своей жизни как проповедник суфизма среди туркмен-скотоводов Забалхання и снискал славу «святого». О степени почитания Г.-а. говорится в анонимном стихотворении, которое можно отнести к XV–XVII вв. Одна из строф его звучит так: «О, озаряющий путь *шари'ата* // О, дворец *тариката*, // О, обители *хакиката*, // Полус веры, Гезлюк-ата!» (пер. со старотуркменского авт. ст.).

Упоминание в исторических источниках полуполюгендарной личности Г.-а. отсутствует. Впервые в литературе это имя несколько раз встречается в XVIII в. в стихотворениях классика туркменской литературы Махтум-кули. Среди других популярных в Туркмени «святых», к которым поэт обращается за духовной поддержкой, он называет и Г.-а. Главным источник сведений о его жизни и деятельности — сохранные народной традицией легенды и родословные (*седжере*), насчитывающие 24 поколения. Выходец из Хорезма, Г.-а. некоторое время проходил курс суфийского учения в г. Туркестане (Яса). Там он стал последователем учения наиболее известного в Средней Азии среди тюркоязычных *суфиев*